

УДК 82.09

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПРОЗА В ДИСКУРСЕ МЕТАМОДЕРНИЗМА: НАПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ

А.А. Сокк (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье исследуется современная отечественная проза в дискурсе метамодернизма. Среди множества концепций, описывающих культурную парадигму начала XXI в., метамодернизм стал наиболее влиятельной аналитической моделью. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью конкретных проявлений метамодернизма в национальном литературном процессе, что требует теоретического осмысления отечественной прозы в контексте смены культурных парадигм.

Цель предпринятого исследования – анализ и систематизация основных направлений и репрезентативных авторов отечественной метамодернистской прозы.

Обзор научной литературы по проблеме. Разработка теории метамодернизма связана с работами Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс, Л. Константину, Н. Тиммера, Й. Хейзера, С. Брауза. Отечественные исследования в области художественного метамодернизма принадлежат Н.В. Ковтун, Н.В. Решетняк, В.А. Сербинской, Н. Хрущевой и др.

Методология. В работе использованы как основные структурно-типологический и сравнительный методы.

Результаты исследования. В современной отечественной прозе выявлен и проанализирован спектр метамодернистских стратегий, соответствующих типам, описанным Л. Константину: *постироничный Bildungsroman* (В. Пелевин, В. Сорокин), *аффективная литература* (Р. Сенчин, К. Рябов), *доверчивая метапроза* (М. Степанова, Г. Служитель) и *мотивированный постмодернизм* (А. Козлова). Установлено, что их объединяет общая «структура чувства», характеризующаяся осцилляцией между иронией и искренностью, фрагментом и целым, утопическим желанием и рефлексивным сомнением.

Выводы. Проведенное исследование (пусть и в самых общих чертах) подтверждает, что в современной русской прозе сформировалась художественная парадигма метамодернизма, предполагающая поиск нового героя, подлинной искренности и глубины чувств, но учитывающая эстетический опыт постмодернизма. Концепция «структуры чувства» подтвердила свою эффективность для систематизации разнородных текстов и выявления новой субъективности. Результаты работы позволяют наметить перспективу для дальнейшего изучения трансформаций коллективного чувственного опыта в актуальной литературе.

Ключевые слова: *постмодернизм, метамодернизм, русская проза, «структура чувства», аффект и глубина, герой.*

Постановка проблемы. Среди множества предложенных моделей для описания культуры начала XXI в., таких как альтермодернизм¹, перформатизм², диджимодернизм³, автомодерность⁴ и гипермодернизм⁵, *метамодернизм* стал наиболее влиятельной аналитической парадигмой. Эти направления, хронологически объединяемые под общим термином *постпостмодернизм*⁶, обретали популярность не сразу. Процесс распространения метамодернистской теории, впервые представленной в 2010 г. голландцами Т. Вермюленом и Р. ван ден Аккером, занял более десятилетия и претерпел существенные изменения за эти годы [Radchenko, 2024, с. 84]. Преодолев границы искусствоведения, концепция метамодернизма расширила сферу своего применения, охватывая сегодня такие области, как музыка, кино, литература, видеоигры, религиоведение, философия. Авторы концепции претендуют на создание нового языка для описания эпохи XXI в., который сегодня проходит критическую апробацию в различных сферах культуры [Ковтун, 2025, р. 31]. Тем не менее наибольшую известность в широкой аудитории приобрел манифест Л. Тернера, который в 2011 г. стал своего рода практическим введением в метамодернизм.

При этом, несмотря на растущий авторитет метамодернизма как общекультурной концепции, его проявления в современной русской литературе изучены недостаточно, термин используется достаточно редко, а круг авторов и нарративных стратегий, которые можно отнести к данной парадигме, не определен системно. Существует насущная потребность в выявлении и анализе того, как ключевые категории метамодернизма (осцилляция, новая искренность, аффект и глубина) материализуются в художественной практике современных прозаиков и какие именно направления формируют ландшафт русского литературного метамодерна.

Цель исследования – анализ и систематизация основных направлений и круга авторов, репрезентирующих метамодернистскую парадигму в современной отечественной прозе.

Обзор научной литературы по проблеме. Теоретическую основу понятия «метамодернизм» заложили Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккера, которые ввели ключевые для анализа категории. В отечественном литературоведении формируется собственная традиция изучения этого феномена. Анализу метамодернизма как новой культурной логики посвящены исследования Н. Ковтун, В. Сербинской, Н. Хрущевой. Конкретные проявления метамодернистской поэтики в творчестве

¹ Альтермодернизм – противоположный постмодернизму. В 2009 г. термин ввел французский критик *Николя Буррио*.

² Перформатизм – культурная парадигма, введенная немецким исследователем *Раулем Эшельманом* (наиболее полно раскрыта в книге 2008 г.).

³ Диджимодернизм – ввел *Алан Кирби* в 2009 г.

⁴ Автомодерность – ввел теоретик *Роберт Сьюмюэлс*.

⁵ Гипермодернизм – ввел французский ученый *Жиль Липовецкий*.

⁶ Постпостмодернизм – термин *Джеффри Нилона*.

современных авторов исследуются в работах С. Радченко, Н. Решетняк, С. Меркушова. Э. Гиббонс углубила изучение аффективного и автобиографического измерения метамодерна. Важным вкладом в типологизацию литературных реакций на постмодернизм стала концепция Л. Константину, выделившая четыре творческих метода (*мотивированный постмодернизм, доверчивая метапроза и др.*), которые легли в основу аналитического аппарата многих современных исследований.

Методология исследования. Поскольку фокусом нашего исследования является феномен метамодернизма в литературе, мы будем опираться прежде всего на теорию, предложенную Т. Вермюленом и Р. ван ден Аккером, как наиболее разработанную для анализа художественных текстов. Наш выбор обусловлен тем, что данная теория приобретает все большую популярность, предлагает в качестве основной категории *структуру чувства*, позволяющую эффективно и точно описать структурные изменения эпохи, в частности в отечественной и зарубежной прозе. Концепцию *структуры чувства*, предложенную Р. Уильямсом, мы понимаем в соответствии с авторской дефиницией, представленной в монографии «Марксизм и литература» (*Marxism and Literature*), где отмечается: «The idea of a structure of feeling can be specifically related to the evidence of forms and conventions – semantic figures – which, in art and literature, are often among the very first indications that such a new structure is forming»⁷ [Williams, 1977, с. 133]. *Структура чувства* содержит в себе мысли, идеи, течения, которые в совокупности составляют мировосприятие метамодернизма [Сербинская, 2017, с. 23].

Она оказывается наиболее адекватной и глубокой для изучения литературного постмодернизма и метамодернизма как сменяющих друг друга культурных парадигм. Наше исследование системно применяет концепцию *структуры чувства* к корпусу современной отечественной прозы для выявления в ней спектра метамодернистских стратегий. В работе использованы структурно-типологический, сравнительный методы, а также метод текстуального анализа.

Результаты исследования. Одной из характерных черт метамодернистской сложности выступает реабилитация больших нарративов и фундаментальных концепций, которые постмодернизм подверг деконструкции. Этот возврат, однако, не означает движения к простоте и догме. Метамодернизм репрезентирует их опосредованно – через мифы и религиозные формы, выражая ностальгическое стремление к целостному переживанию, но не находя пути к безусловному принятию традиционного нарратива. В творчестве метамодернистских поэтов эти «большие истории» неизменно сопрягаются сомнением, но сама попытка их возрождения предпринимается с новой уверенностью и решимостью.

⁷ Идея структуры чувства может быть непосредственно связана с очевидностью форм и условностей – семантических фигур, которые в искусстве и литературе часто являются одними из самых первых признаков формирования такой новой структуры (перевод наш. – А.С.).

Фрагментация в метамодернизме носит диалектический и принципиально незавершенный характер, поскольку содержит имманентный импульс к целостности. Таким образом, метамодернистские тексты перманентно осциллируют между состоянием фрагмента и стремлением к целому, не достигая окончательного синтеза.

На фоне различий между постмодернистской формой и постмодернистским содержанием Л. Константино выделяет четыре литературные реакции, отличающиеся друг от друга по своей структуре. Эти четыре реакции соответствуют четырем творческим методам: *мотивированному постмодернизму*, *доверчивой метапрозе*, *постироничному Bildungsroman* и *реляционному искусству* [Константино, с. 226–227].

Истоки метамодернизма в отечественной прозе. Дискуссия о завершении постмодернистского направления продолжает оставаться актуальной как для зарубежного, так и для отечественного литературоведения, несмотря на существенные различия между западным и российским постмодернизмом. Этому явлению посвящена обширная специальная литература.

Разочарование в идее глобализма, сворачивание проекта постмодернизма вызвали подчеркнутый интерес к новым художественным направлениям, декларациям, манифестам. Процесс литературного развития суть изменение художественной орбиты, усложнение восприятия традиции, смена культурных кодов, особое отношение к мифу. В переходные эпохи с особой ясностью проступают фундаментальные основы прежней эстетической парадигмы, идет поиск языка искусства будущего, что отражается на всех уровнях культуры [Ковтун, 2018, с. 152].

В настоящее время в отечественном литературоведении о метамодернизме говорится не так много, термин достаточно редко используется в русской литературной среде. Отечественные писатели-метамодернисты, безусловно, развиваются, однако их тексты нельзя отождествлять только с одним художественным направлением. Метамодернистская эстетика в искусстве и литературе складывалась на протяжении нескольких десятилетий, что не позволяет связать ее с каким-либо одним художественным поколением [Думитреску, 2016]. Творческий почерк отечественных писателей-метамодернистов реализуется в множестве различных поэтик, форм и художественных стратегий, объединенных общим типом мироощущения.

Исследователи с разной степенью решительности относят к метамодерну поздние сборники сказок, страшных историй Л. Петрушевской⁸, прозу Р. Сенчина, нашумевшие тексты М. Степановой, прежде всего ее роман «Фокус» (2024), произведения В. Пелевина и В. Сорокина. Как правило, В. Пелевина называют и писателем-постмодернистом [Корнев, 1997, с. 244], и футурологом. В то же время черты метамодернизма присутствуют в его ранних повестях «Затворник

⁸ Ковтун Н., Бурылова А. Образ матери в страшных историях Л.С. Петрушевской // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 5. С. 1850–1857.

и Шестипалый» (1990), «Желтая стрела» (1993). В «Затворнике и Шестипалом» автор большое внимание уделяет чувствам персонажей. Этот акцент на эмоциях является характерной частью повести, столь неожиданной для большинства постмодернистских текстов и для текстов Пелевина. Герои повести испытывают такие эмоции, как страх, эмпатия, говорят о любви [Radchenko, 2024, с. 89].

Метамодернизм – парадигма, в которой забота о себе и о других возможна одновременно, где «Я» существует и определяет себя по отношению к другим, где все – от человека до самых сложных экологических и микроскопических систем – взаимосвязано, ибо ничто не существует в вакууме или полной изоляции [Думитреску, 2016].

«Я тоже очень тебя люблю, Одноглазка, – сказал Затворник, – и надеюсь, что мысль о тебе поддержит меня. Удачи тебе».

«Мы живы до тех пор, пока у нас есть надежда, – сказал Затворник, – А если ты ее потерял, ни в коем случае не позволяй себе догадаться об этом»⁹.

Выраженная таким образом центральная философская концепция повести повторяет основу метамодернистского чувства – движение к горизонту, несмотря на невозможность его достичь. Надежда в сердцах персонажей Пелевина далеко не безгранична, что характерно для героев метамодерна. Их эмоциональные траектории образуют своего рода двойной маятник: пока Шестипалый становится все более оптимистичным, Затворник движется в противоположном направлении, формируя основное ощущение осцилляции между ними [Radchenko, 2024, с. 90]. Назвать повесть исключительно метамодернистской вряд ли уместно, тем не менее она изобилует чертами метамодернизма (аффект, эмпатия и осторожный оптимизм). В названных произведениях отсутствует один важный элемент, у персонажей нет того, что называют «структурным стремлением к “мы”», желания конструировать новые социальные общности [Тиммер, 2017].

Тоска по метанарративу заметна у В. Сорокина: героями одного из романов становятся не столько клоны писателей, сколько вырабатываемое ими «голубое сало» – метафора искусства [Хрущева, 2025, с. 76]. Более пристального внимания в метамодернистском фокусе заслуживает повесть «Метель»¹⁰ (2010). Метамодернистский аффект реализуется в повести прежде всего через систему отношений между Гариным и Перхушей. Доктор Гарин является примером гуманизма, для спасения жителей деревни он готов на риск. В то же время герой не лишен недостатков, часто излишне эмоционален и сентиментален. Метамодернистская осцилляция проявляется в чувствах и взаимодействиях персонажей, начиная с общей осцилляции между двумя типичными

⁹ Пелевин В.О. Затворник и Шестипалый [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/pov/pe-zatv/1.html> (дата обращения: 05.02.2026).

¹⁰ «Метель» (2010), «Доктор Гарин» (2021) и «Наследие» (2023) образуют своеобразную трилогию В. Сорокина.

образами русских классических персонажей – деревенским мужиком Перхушей и типичным представителем «интеллигенции» доктором Гариным. Гарин колеблется между своим долгом и эмоциональными слабостями, между активным действием и пассивным принятием, замедляя персонажей и погружая их в атмосферу снежной бури [Radchenko, 2024, с. 98]. Переход от постмодернизма к метамодернизму маркирует возникновение новой *структуры чувств*, которая находит воплощение в новых формах художественной репрезентации.

К *постироничному Bildungsroman* в русской прозе с той или иной долей уверенности относят один из лучших романов В. Пелевина «S.N.U.F.F.» (2011) и рассказ В. Сорокина «Месяц в Дахау» (1994). *Постироничный Bildungsroman* строится на решительном отказе его представителей как от постмодернистской формы, так и от игрового содержания, воскрешая исторические формы реализма, демонстрируя их интеллектуальное, эмоциональное влияние. Ирония постмодернизма отвергается не столько принципиально, сколько для подтверждения высокой силы традиций, прошлого. В рамках *постироничного Bildungsroman* происходит воскрешение трагического [Ковтун, 2025, с. 36].

К *аффективной литературе* относят произведение Д. Данилова «Горизонтальное положение» (2010), известный роман Р. Сенчина «Дождь в Париже» (2018), прозу К. Рябова о безработных, алкоголиках – «уличной хтони», «маленьких людях», вызывающих не столько сострадание, как в классической традиции, сколько раздражение, вплоть до брезгливости, – тексты «777» (2011), «Пес» (2020) [Ковтун, 2025, с. 37]. Эту тенденцию продолжает роман В. Захарцова «Винтаж» (2024), где доминирующим становится аффект меланхолического всматривания в прошлое и поиска смысла в диалоге с культурными артефактами. Данная поэтика использует для репрезентации мира в парадигме постмодерна реалистическую, иногда и нарочито обывательскую форму, не требующую декодирования. В этом выражается характерная для метамодернизма структура чувств: она чужда игровой ироничности и нацелена на более прямое и доверительное постижение глубинных слоев реальности, остающихся вне поля зрения постмодернистской эстетики.

В рамках отечественной метапрозы нельзя не отметить книгу «В Питере жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории» (2017). Это сборник рассказов и эссе о Санкт-Петербурге 35 авторов. Антология представляет собой единый метамодернистский модус, подзаголовок «Личные истории» указывает на автобиографическую/псевдоавтобиографическую основу повествования. Авторы «сдвинулись в сторону аффекта метамодерна, в соответствии с которым субъективность связана с внешней реальностью через личный контакт и ситуативность. Из-за стремления к самоутверждению в относительном мире метамодернистский автофикшен демонстрирует эмоциональную привязанность к эмпирическим областям субъективности, это проявляется как «попытка обосновать внутреннее “я” во внешней реальности – во времени, пространстве

и телесном бытии» [Гиббонс, 2022, с. 296]. Назовем ключевые метамодернистские характеристики, объединяющие нарративную структуру антологии. В отличие от деконструирующего постмодернистского смеха, юмор в рассказах А. Аствацатурова и С. Носова служит не самоцелью, а средством легитимации, усиления субъективного аффекта. Их «ирония сдерживается искренними под- и обертонами» [Гиббонс, 2022], создавая сложный осциллирующий эффект [Duleba, Dulebova, 2023, с. 25].

Центральным для многих героев становится топофильный аффект, глубокое эмоционально-телесное переживание городского пространства как «ценного». Это переживание становится актом самоукоренения субъекта в относительном мире, ответом на постмодернистскую отстраненность. Пространство (Петербург) воспринимается как «мой» топос в оппозиции к «чужому» миру. В рассказе И. Бояшова чувствующий метамодернистский субъект, укореняясь в истории и пространстве через аффект и интертекстуальный диалог, сознательно принимает *лабиринт* как модель *Бытия*, где экзистенциальная ценность заключена не в достижении цели, а в самом императиве поиска. Этот оптимизм, однако, существует не вместо, а поверх неотмененного постмодернистского сомнения в прозе В. Левенталя, что и создает специфическое напряжение метамодернистской осцилляции [Duleba, Dulebova, 2023, с. 27–31].

Доверчивая метапроза, чья эстетика строится на искренности и отказе от игровой дистанции, находит воплощение в «нашумевших текстах М. Степановой, прежде всего ее романе «Фокус» (2024) [Ковтун, 2025, с. 36]. Здесь метатекстуальность становится не интеллектуальной игрой, а инструментом предельно личного, почти исповедального высказывания, что и формирует новый тип читательского доверия к тексту.

Черты метамодернистской поэтики заметны в романе «Дайте мне обезьяну» (2001) петербургского прозаика С. Носова. Этот текст в качестве объекта специального изучения, помещенного в поле указанной проблематики, рассматривается в работе Н.В. Решетняк «Роман Сергея Носова “Дайте мне обезьяну”: между пост- и метамодернизмом»¹¹. Исследователь приходит к выводу, что «преодолевая специфический способ мировосприятия в сатирически окрашенном постмодернистском произведении, автор балансирует между иронией и искренностью, что дает основание выделить прием “постиронии” как особенность, противоречащую сути постмодернизма». Петербургский писатель С. Носов выходит за пределы эстетики постмодернизма согласно собственному мировоззрению, основанному на этических коннотациях и восприимчивому к стратегиям метамодернизма, а именно искренности, наивности, сентиментальности, желанию утопии, романтическому концептуализму [Решетняк, 2025, с. 4752].

¹¹ Для подробного изучения: Решетняк Н.В. Роман Сергея Носова «Дайте мне обезьяну»: между пост- и метамодернизмом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, вып. 11. С. 4747–4752.

К представителям *мотивированного постмодернизма* можно отнести роман А. Козловой «F20» (2016), повесть И. Богатыревой «Белая Согра» (2020), книгу А. Горбуновой «Конец света – моя любовь» (2020). Этот метод переключается с логикой позднего постмодернизма, авторы отказываются от тотальной критики и деконструкции предшествующих эстетик, используя их как фундамент для создания новых изобразительных кодов. Постмодернистские приемы тем самым «оправдываются» и обретают статус правдоподобия. Фактически происходит перекодировка постмодернистского проекта: стратегии игры, интертекстуальности и иронии сохраняются, но лишаются своей изначальной направленности. Это позволяет авторам сознательно дистанцироваться от роли прямого социального критика. Стиль ряда текстов в этой парадигме называют языком сумасшествия. Все намеки на вызов существующей реальности, характерные для постмодернизма, сняты [Ковтун, 2025, с. 35].

Комментарием к постиронии может также послужить концепция «иероглифов» Липавского: этот термин ученый ввел для объяснения природы текстов Александра Введенского – самого близкого к метамодерну обэриута [Хрущева, 2025, с. 58]. Развивая эту мысль, можно сказать, что «иероглифический» подход применим не только к поэзии А. Введенского, но и к современной прозе. Ярким примером служит роман В. Захарцова «Молодильник ЗИЛ для хранения продуктов в безвремени» (2022), который исследователь С.Ф. Меркушов характеризует именно как «иероглифический». Автор статьи считает, что «произведение целесообразно рассматривать в метамодернистском ракурсе, с одной – исключая разрушительные интенции постмодернизма, а с другой стороны, через символические смыслы и формы, отсылающие к иероглифике и особым романским практикам» [Меркушов, 2024, с. 226]. Он приходит к выводу, что текст представляет собой метамодернистский «иероглифический» роман «с ключом», сочетающий авангардные техники с глубинной семантической целостностью. В нем присутствует утопический дискурс, выражающийся в создании фантастических, но внутренне логичных миров. О необходимости возврата к утопическому дискурсу современности говорят Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер¹². Подчеркивается, что метамодернизм не отрицает классические традиции, но использует их для отражения не материального мира, а идей, управляющих миром [Меркушов, 2024, с. 228–234].

Выводы. Проведенное исследование подтверждает, что метамодернизм стал влиятельной парадигмой, формирующей интеллектуальный и эмоциональный ландшафт начала XXI в. Преодолев границы своего первоначального манифеста, метамодернизм предложил не просто новую целостную *структуру чувства*, способ восприятия мира, характеризующийся осцилляцией между противоположностями: иронией и искренностью, фрагментом и целым, утопическим желанием и трезвым сомнением.

¹² Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2:1. P. 5677.

На материале современной отечественной прозы было продемонстрировано, как эта структура воплощается в конкретных художественных практиках. Анализ текстов современных авторов позволил выявить спектр метамодернистских стратегий. От постироничного *Bildungsroman* и *аффективной прозы* до *доверчивой метапрозы* и «иероглифического» романа, все эти формы объединяет попытка преодолеть постмодернистский тупик через диалектическое принятие сложности.

Метамодерн проявляется в особой субъективности, колеблющейся между личным и общим, в закреплённости в пространстве и истории через аффект, в использовании традиционных форм для выражения нового, постироничного содержания [Radchenko, 2024]. Дальнейшее изучение этого феномена представляется перспективным для понимания не только логики литературного процесса, но и трансформаций коллективного чувственного опыта в современном мире.

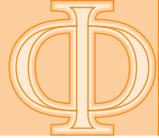
Библиографический список

1. Гиббонс Э. Современный автофикшен и аффект метамодерна // *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодерна* / под ред. Р. ван ден Аккера, Т. Вермюлена и Э. Гиббонс. М.: РИПОЛ Классик, 2022. С. 285–315.
2. Думитреску А. Что такое метамодернизм и зачем нам это знать / пер. М. Барановой, А. Зубова и др. Newochem. URL: <https://newochem.ru/kultura/chto-takoe-metamodernizm-i-zachem-nam-eto-znat/> (дата обращения: 06.02.2026).
3. Ковтун Н.В. Валентин Распутин. Правда памяти: материалы Всерос. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения писателя. Иркутск, 28 сентября – 2 октября 2017 г. / отв. ред. В.Я. Иванова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 151–168.
4. Ковтун Н.В. Конец истории и его проекции в современной культуре // *Традиционализм и авангард в фокусе современной литературы: монография*. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2025. С. 13–38.
5. Ковтун Н., Бурьлова А. Образ матери в страшных историях Л.С. Петрушевской // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2025. Т. 18, № 5. С. 1850–1857.
6. Константинову Л. Четыре лика постиронии // *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодерна* / под ред. Р. ван ден Аккера, Т. Вермюлена и Э. Гиббонс. М.: РИПОЛ Классик, 2022.
7. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? // *Новое литературное обозрение*. 1997. № 28. С. 244–259.
8. Меркушов С.Ф. Метамодернистский «иероглифический» роман «с ключом» («Молодильник Зил для хранения продуктов в безвремени» Виталия Захарцова) // *Art Logos (искусство слова)*. 2024. № 2. С. 226–235.

9. Решетняк Н.В. Роман Сергея Носова «Дайте мне обезьяну»: между пост- и метамодернизмом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, вып. 11. С. 4747–4752.
10. Сербинская В.А. Постмодернизм и метамодернизм: разграничение понятий и черты метамодернизма в современной литературе // Парадигма. 2017. № 26. С. 22–30.
11. Тиммер Н. Вы тоже это чувствуете? Пост-постмодернистский синдром в американской литературе на рубеже тысячелетия / пер. В. Сербинской. URL: <https://metamodernizm.ru/do-you-feel-it-too/> (дата обращения: 06.02.2026).
12. Хрущева Н. Метамодерн в музыке и вокруг нее. М.: РИПОЛ Классик, 2025. 304 с.
13. Duleba M., Dulebova I. Metamodern urban experience in the anthology of tophobic prose V Pitere zhit'. In: *World Literature Studies*. 2023. No.15. P. 23–35.
14. Radchenko S. Shades of Post-Postmodernism in Russian Life and Literature: A Metamodern Study of Viktor Pelevin and Vladimir Sorokin. In: *Metamodern Reflection on The Post-Soviet and Late Capitalistic Ideologies*. 2024. No. 1 (25). P. 81–106.
15. Williams R. *Marxism and Literature*. Oxford, Oxford University Press, 1977. 218 p.

Сведения об авторе

Сокк Александра Александровна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: sandrasokk@mail.ru

RUSSIAN PROSE IN THE DISCOURSE OF METAMODERNISM: TRENDS AND AUTHORS

A.A. Sokk (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines contemporary Russian prose within the discourse of metamodernism. Among the multitude of concepts describing the cultural paradigm of the early 21st century, metamodernism has become the most influential analytical model. The relevance of the study is determined by the under-researched nature of metamodernism's specific manifestations within the national literary field, which necessitates a theoretical reconsideration of Russian prose against the backdrop of changing cultural paradigms.

The purpose of this study is to analyze and systematize the key currents and representative authors within Russian metamodernist prose.

Review of the scientific literature. The development of metamodernist theory is associated with the works of T. Vermeulen, R. van den Akker, and E. Gibbons. In Russian literary studies, research on metamodernism has been conducted by N.V. Kovtun, N.V. Reshetnyak, V.A. Serbinskaya, and N. Khrucheva.

Methodology. The research applies structural-typological and comparative methods as basic ones.

Research results. The study has identified and analyzed a spectrum of metamodernist strategies in contemporary Russian prose that align with the typology proposed by L. Constantinou, including: *postironic Bildungsroman* (V. Pelevin, V. Sorokin), *affective literature* (R. Senchin, K. Ryabov), *credulous metafiction* (M. Stepanova), and *motivated postmodernism* (A. Kozlova). It has been determined that these diverse strategies share a common 'feeling structure' characterized by oscillations between irony and sincerity, fragmentation and wholeness, utopian desire and reflexive skepticism.

Conclusions. The conducted research (albeit in the most general terms) confirms that an artistic paradigm of metamodernism has been formed in modern Russian prose, suggesting the search for a new hero, genuine sincerity and depth of feelings, but taking into account the aesthetic experience of postmodernism. The concept of the 'feeling structure' has proven effective in systematizing diverse texts and identifying new forms of subjectivity. The results of this work establish a foundation for further study of the transformations of collective sensory experience in modern literature.

Keywords: *postmodernism, metamodernism, 'feeling structure', affect and depth, hero.*

References

1. Gibbons, E. *Sovremennyy avtofikshen i affekt metamoderna* [Contemporary Autofiction and the Affect of Metamodernism]. In R. van den Akker, T. Vermeulen, & E. Gibbons, *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmoderna* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism], 2022, 285–315.
2. Dumitrescu, A. *Chto takoe metamodernizm i zachem nam eto znat'?* [What is Metamodernism and Why Bother? Meditations on?] (M. Baranova, A. Zubov, et al., Trans.) [Electronic resource]. URL: <https://newochem.ru/kultura/chto-takoe-metamodernizm-i-zachem-nam-eto-znat/> (access date: 06.02.2026).

3. Kovtun, N.V. Konets istorii i ego proektsii v sovremennoy kulture Konets istorii i ego proektsii v sovremennoy kulture [The End of History and Its Projections in Contemporary Culture]. In N.V. Kovtun, *Traditionalism i avangard v fokuse sovremennoy literatury: Monografiya [Traditionalism and the avant-garde in the focus of contemporary literature: A monograph]*, 2025, 13–38.
4. Kovtun, N., Burylova, A. Obraz materi v strashnykh istoriyakh L.S. Petrushevskoy [The Image of the Mother in the Horror Stories of L.S. Petrushevskaya]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]*, 2025, 18 (5), 1850–1857.
5. Kovtun, N.V. Valentin Rasputin. Pravda pamyati: materialy` Vseros. konf., posvyashh. 80-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya. Irkutsk, 28 sent. – 2 okt. 2017 g. / otv. red. V.Ya. Ivanova. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2018, 151–168.
6. Konstantinu, L. Chetyre lika postironii [Four Faces of Postirony]. In R. van den Akker, T. Vermeulen, & E. Gibbons, *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmoderna [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]*, 2022, 226–227.
7. Kornev, S. Stolknovenie pustot: mozhet li postmodernizm byt' russkim i klasicheskim? [The Clash of Voids: Can Postmodernism Be Russian and Classical?]. In *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 1997, 28, 244–259.
8. Merkushev, S.F. Metamodernistskiy “ieroglificheskiy” roman “s klyuchom” (“Molodil’nik Zil dlya khraneniya produktov v bezvremenii” Vitaliya Zakhartsova) [Metamodernist “Hieroglyphic” Novel “with a Key” (“ZIL Rejuvenator for Storing Food in Timelessness” by Vitaly Zakhartsov)]. In *Iskusstvo slova [Art Logos]*, 2024, 2, 226–235.
9. Reshetnyak, N.V. Roman Sergeya Nosova “Dayte mne obez’yanu”: mezhdou post- i metamodernizmom [Sergey Nosov’s Novel “Give Me a Monkey”: Between Post- and Metamodernism]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]*, 2025, 18 (11), 4747–4752.
10. Serbinskaya, V.A. Postmodernizm i metamodernizm: razgranichenie ponyatiy i cherty metamodernizma v sovremennoy literature [Postmodernism and Metamodernism: Distinguishing the Concepts and Features of Metamodernism in Contemporary Literature]. In *Paradigma [Paradigma]*, 2017, 26, 22–30.
11. Timmer, N. *Vy tozhe eto chuvstvujete? Post-postmodernistskiy sindrom v amerikanskoj literature na rubezhe tysyacheletiya [Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium]* (V. Serbinskaya, Trans.) [Electronic resource]. URL: <https://metamodernizm.ru/do-you-feel-it-too/> (access date: 06.02.2026).
12. Khrucheva, N. *Metamodern v muzyke i vokrug nee [Metamodern in Music and Beyond]*. Moscow: RIPOL Klassik, 2025. 304 p.

13. Duleba, M., Dulebova, I. Metamodern urban experience in the anthology of topophilic prose V Pitere zhit'. In: *World Literature Studies*. 2023, 15, 23–35.
14. Radchenko, S. Shades of Post-Postmodernism in Russian Life and Literature: A Metamodern Study of Viktor Pelevin and Vladimir Sorokin. In: *Metamodern Reflection on The Post-Soviet and Late Capitalistic Ideologies*. 2024, 1 (25), 81–106.
15. Williams, R. *Marxism and Literature*. Oxford, Oxford University Press, 1977. 218 p.

About the author

Sokk, Aleksandra A. – PhD Candidate, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: sandrasokk@mail.ru